

УДК 94

СИБИРСКИЕ ХРОНИКИ¹

О. Мерлен

Од Мерлен, профессор факультета социальных и политических наук Свободного университета Брюсселя, делится своими впечатлениями от встреч с разными людьми в Томске в октябре 2011 г. Её короткие истории соединяют прошлое и настоящее людей и города, она размышляет о том, каким может быть будущее этих людей. Од слушает мнения людей по поводу предстоящих выборов в Государственную думу РФ, их оценки прошлой советской жизни и сегодняшней, их надежды и сомнения. Од Мерлен наблюдает людей в их повседневной жизни: в кафе, университетах, сауне, на улицах. Она пишет об интересе людей к Европе и европейской политике, их поиске понимания собственного прошлого и возможного будущего. Автор рассуждает о том, каким может быть будущее молодых и не очень молодых томичей.

О. Мерлен посещает музей политических репрессий в Томске и разговаривает с его директором Василием Ханевичем. Она осознает, как много семей в Сибири прошли через ссылки и репрессии в советский период. О. Мерлен посещает показ документальных фильмов в университете, который посвящен погибшим правозащитницам Анне Политковской и Наталии Эстемировой. Эссе заканчивается утверждением, что сегодня Томск стал открытым городом.

Ключевые слова: Россия, Сибирь, сибиряки, Томск.

1970-е. Осень. Самолет Москва – Новосибирск вынужден совершить посадку в Томске из-за плохих погодных условий. На борту самолета посол Великобритании, который оказался в разгар «холодной войны» посреди Советского Союза, охваченного стагнацией брежневской эпохи. Но, оказывается, Томск – закрытый город, так как расположенные здесь военно-промышленные предприятия ведут разработку новых ядерных технологий. А это значит, что иностранцам въезд в город воспрещен. Паника [охватила небо... и землю]. Что делать с послом? Оставить его дрожать от холода на борту самолета, положившись на прославленное английское хладнокровие? Или же дать ему возможность сойти на землю? Все, начиная с областного комитета КПСС и заканчивая Управлением КГБ по Томской области, ломают голову над этим вопросом. В конце концов, решили отогреть посла за чашечкой чая. Один из работников университета, свободно владеющий английским, спешит на аэродром, чтобы встретить волею случая оказавшегося здесь посла. Он будет подле него до тех пор, пока последний не сможет продолжить свой путь.

¹ Написаны после визита, совершенного в рамках междууниверситетского соглашения в Томск. Мысли, навеянные прогулками и встречами, в которых нашли свое отражение предыдущие поездки в Россию. Реальная Россия, где прошлое неразрывно связано с настоящим города, который был «закрытым» в советское время.

Перевод статьи, опубликованной ранее в бельгийском академическом журнале «Revue nouvelle» в 2012 г. Aude Merlin. Chroniques sibériennes d'automne // La Revue Nouvelle, Avril 2012, n. 4. (<http://www.revuenouvelle.be/numero161.html>) Перевод Ю.В. Жучковой.

Эту историю Алексей Тимошенко, заведующий кафедрой мировой политики, поведал нам на открытии конференции «Европейский союз и Россия: пути модернизации», которая проходила в Томском государственном университете¹ в октябре 2011 года. Томск, расположенный в 4 000 км от Москвы, получил свое название от реки Томь, на которой он стоит. Один из древнейших сибирских городов был основан по приказу царя Бориса Годунова в 1604 г. Сейчас же Томск – сильнейший университетский центр Западной Сибири: из 500 000 жителей города 100 000 – студенты. Однако на нем все еще лежит отпечаток прошлого: попасть в Северск² можно только по пропуску.

Улыбнись прохожему!

23 октября 2011 г. Воскресенье, 6 часов утра. Самолет приземлился в Томске. Из-за 5-часовой разницы во времени ночи будто бы и не было. Вымотанные бессонной ночью пассажиры стоят в ожидании багажа. Вся укутанная в розовое, маленькая девочка с заспанными глазами терпеливо ждет свой, в окружении своих родителей. Каких-то полчаса – и мы въезжаем в город, еще объятый ночью. Понемногу я начинаю различать потрясающие деревянные дома с искусным резным декором на окнах. Это постройки конца XIX – начала XX в. Уже в который раз я поймала себя за разсуждениями об истинно «русском» [«русскости»], столь же родном, сколько и чужом. Из XIX в. переносимся напрямик в настоящее время. 4 декабря 2011 г. состоятся региональные выборы, которые совмещены по времени с выборами в Государственную думу. Об этом событии напоминают большие рекламные щиты, с которых проходим улыбаются милые лица.

В самом деле, через несколько недель состоятся федеральные парламентские выборы, которые не просто породят различного рода дискуссии, но послужат началом к массовым протестам против фальсификаций, сопровождающих выборы. Мало кто обращает внимание на предвыборную рекламу, так как слоганы имеют не совсем политический характер. «Единая Россия», партия Власти, со всех уголков улицы, с автобусов и в магазинах призывает улыбнуться: «Улыбнись прохожему, и Россия станет тебе другом!». Однако что-то пошло не так и над «улыбкой» уже подшучивают на ужине в администрации Томской области, которую возглавляет В. Кресс. Снимая пальто, мой коллега наткнулся в гардеробе на рекламу с улыбкой и не смог сдержаться: «Куда не взгляни — всюду улыбки! Это единственное, на что способны единороссы!»

Сибирская история

Я встретила с Сергеем, молодым человеком азиатской внешности, с мягким голосом и добрыми глазами. Мы с ним знакомы с 2007 г., сначала наше общение было довольно сдержанным. Он сопровождает меня. Наконец, мы пришли в одно замечательное местечко, которое я очень люблю, – «Биб-

¹ Уже более 10 лет СБУ и ТГУ сотрудничают в рамках программ по академической мобильности. С 2008 г. действует двустороннее соглашение о сотрудничестве между университетами, которое осуществляется при поддержке французского (валлонского) сообщества Брюс-селя.

² Северск – закрытое административно-территориальное образование, созданное на рубеже 1940–1950-х гг. Город входил в военно-промышленный комплекс СССР и был связан с ядерным производством. Северск находится в 12 км от Томска и до сих пор сохраняет статус закрытого города.

лиотеку»¹. Там, в окружении старых книг, мы едим борщ (вкусный украинский суп со свеклой и мясом, который подается обязательно с укропом и сметаной) с черным хлебом и сибирскими грибами. Звучит музыка из фильма «Амели». Оригинальное название фильма – «Невероятная история Амели Пулен».

Неожиданно в разговоре о скором приезде Сергея в Брюссель и сетованиях на административные проволочки, приглашения и визы, Сергей говорит, что он является «европейским гражданином». От удивления у меня глаза округляются, и я даже расплескиваю борщ. Мгновением позже Сергей объяснил, что у него есть литовский паспорт. Я знала, что он родился в Магадане, куда его родители, будучи еще студентами, попали по распределению. В советское время они работали в одной чукотской деревушке, что находится вблизи печально известной Колымы. Там Сергей и вырос. Я знала, что у него в роду были корейцы. Они были одними из тех, кто переселился в Россию на волне массовой миграции. Первая волна прошла во второй половине XIX в., когда гонимым голодом корейцам было разрешено обосноваться на территории Российской империи. Вторая волна массовой миграции произошла после японской оккупации Кореи в 1910 г. Тогда же на российский Дальний Восток переселились прадед и прабабка Сергея. В 1937 г. Сталин подписал указ о переселении корейцев в Центральную Азию. Так, отец Сергея, Мирон, попал в Узбекистан. В отличие от самого Сергея, его отец говорит на корейском языке, но не пишет.

Вот откуда азиатские черты лица. Но литовский паспорт? «Все очень просто», – говорит Сергей. Бронислава, его прабабушка по материнской линии, родилась в 1927 г. в Литве. Там она работала вместе со своими родителями на ферме. В 1946 г., в возрасте 19 лет, она отправилась вместе с отцом в лес на поиски пропавшей коровы, где была задержана советскими солдатами, преследовавшими партизан. Через три дня обоих освободили, так как нашлись свидетели, которые подтвердили, что они лишь искали сбежавшую корову. Но уже в июне 1947 г. в доме, где жила Бронислава со своей сестрой и ее мужем, прошел обыск на наличие «антисоветской литературы». После обыска Бронислава провела год в тюрьме, где испытала побои и унижения. Она отказалась признать свою вину и была приговорена к восьми годам лагерей за «контрреволюционный саботаж». В октябре 1948 г. ее сослали сначала в Мордовию, а в мае 1950-го – в Магадан.

На мой вопрос, какую работу выполняла Бронислава в лагере, Сергей ответил, что зимой, когда снега было по пояс, она валила лес, летом и осенью работала на сенокосе или ухаживала за лошадьми. После смерти Сталина, когда репрессии несколько ослабли, ее освободили. Это случилось 14 августа 1954 г.

Она встретила своего мужа, Пронаса, в Магадане, который также попал в исправительный лагерь. Однако после освобождения им было предписано не покидать регион. Недавно, по решению правительства Литвы, объясняет Сер-

¹ Кафе «Библиотека» находится в историческом здании в центре города. Здесь до революции 1917 г. находилась резиденция Томского губернатора, с 1927 г. и по настоящее время Дом ученых.

гей, люди схожей судьбы, их дети и внуки получили литовское гражданство. Вот откуда у меня литовский паспорт, продолжает он.

За 6 недель до выборов

На город опускается ночь. Мы пересекаем мост через реку и въезжаем в лес. Мою соседку зовут Анна. И по мере того, как смеркается, и мы углубляемся в лес, ее рассказ становится все более эмоциональным. Для нее 24 сентября, если так можно выразиться, переполнило чашу терпения. Было объявлено о рокировке – Путин и Медведев поменяются своими позициями, как ладья и король на шахматной доске. Анна кипит от возмущения. Несмотря ни на что, как и большинство россиян, она возлагала надежды на Медведева, который мог бы превратить Россию в «нормальную страну». Услышав слово «нормальный», я задалась вопросом «Можно ли считать страны Западной Европы таковыми?» А затем я начала размышлять о начале 1990-х гг., когда превращение России в «нормальную страну» превратилось в какой-то идефикс, который охватил умы политических элит и простого населения. И в то же время я задумалась о том, что скрывается за этой «нормальностью», ведь русские люди обычно отвечают «нормально» на вопрос «Как дела?» В то же время я испытываю чувство невероятной тоски и ощущение, что что-то идет не так.

Спустя 20 лет я услышала в словах Анны все то же стремление к «нормальности», которое можно сравнить разве что с обострением, характеризующимся усилением симптомов хронической болезни. Надежды на «нормализацию» России слышны на митингах против фальсификаций выборов и на демонстрациях, организованных им в поддержку в западноевропейских столицах. В них активное участие принимают русские студенты, приехавшие туда по обмену в рамках программы Эразмус Мундус. Когда я затронула тему выборов, другая моя соседка, Галина, заявила, что она будет голосовать за коммунистов. «Я всегда за них голосовала в 1990-е гг., потому что они были единственной реальной оппозицией. Хотя я думаю, что КПРФ должна была опубликовать некую разновидность манифеста и указать, что коммунистическое советское прошлое они осуждают и что Зюганов уже давным-давно должен был дать дорогу молодежи! При этом значительная часть молодежи, на которую следует ориентироваться и чьи чаяния – оправдывать, мечтает уехать за границу». «Так много, – удивляюсь я, – этого не может быть!» Несмотря на небольшой спад, показатель остается достаточно высоким. Причины подобного явления кроются не в экономике, а в возможности ощутить вкус жизни; после застоя вдохнуть жизнь в Австралии или США.

Застой. Слово брежневской эпохи, которое в мгновение ока стало актуальным. Застой пришел на смену «священной мантре» о стабильности путинских времен... И тут же в Интернете начали появляться карикатуры на Путина с увешанной медалями грудью, как у Брежнева. Казалось, будто достигнутая в первое десятилетие всеобщая договоренность дала трещину. Люди готовы отказаться от некоторых прав и свобод в обмен на материальное благосостояние, достигаемое за счет перераспределения средств от продажи нефти. Сдаст ли свои позиции окрепший материализм?

У каждого сибиряка...

На главной улице города, проспекте Ленина, находится Мемориальный музей политических репрессий. Он находится в двух шагах от университетов и акушерских клиник, скульптуры перед которыми заслуживают отдельного внимания. Первая скульптура, выполнена из красного мрамора и представляет кочан капусты, внутри которого лежит, потирая левый глазик своей малюсенькой ручкой, младенец. Вторая скульптура выполнена из железных полос и представляет беременную женщину, у которой в ее округлившемся животе виден младенец.

Мемориальный музей расположился в подвальном помещении здания, в котором с 1923 по 1944 г. находилась следственная тюрьма НКВД. «Наиболее показательным явился период «Большого террора» (1937–1938 гг.), тогда через эти стены прошло огромное количество мужчин и женщин, обвиняемых в контрреволюционной деятельности», – поясняет Борис Тренин, бывший декан исторического факультета ТГУ и создатель Томского мемориального музея. «Нужно было выполнять норму», – продолжает он, показывая один из указов, подписанных Сталиным, об аресте 6 600 человек на территории Красноярской области. Фотографии на стене потрясают. Не меньшее впечатление оставляют и биографии: математики, священники, ученые, библиотекари, писатели и философы. Фотографируя на фоне портретов репрессированных, молодые люди переходят из одной камеры в другую. «Я никогда не спрашиваю посетителей нашего музея, кто и откуда они. Но иногда в ходе экскурсии становится ясно, кто из семьи репрессированных, а у кого в семье были нквдешники», – говорит заведующий музеем Василий Ханевич.

Галина поделилась со мной своей историей. Украинка по происхождению, она выросла в хакасском селе – Аскиз, что в переводе с хакасского языка означает «водяная девушка». Ее предки переселились в Сибирь во время Столыпинских реформ в начале XX в. В 1932 г. бабушка Галины стала жертвой коллективизации и раскулачивания. Ее муж и пять других жителей деревни артелью построили общую мельницу, но на них написали донос как на преступников. Узнавшие об этом соседи предупредили деда Галины. Стремясь избежать расправы и будучи уверенным, что репрессии не коснутся его жены, он бежал. Он ошибся. Молодую женщину с пятью детьми сослали в Томскую область. Перед ссылкой она с трудом договорилась, чтобы ее полуторагодовалую дочь передали старшей дочери 18 лет, которая только что вышла замуж, а другую восьмилетнюю дочурку (маму Галины) послали к крестной в отдаленное село. Девочку отправили с почтовыми отправлениями и с посылочной биркой на руке. В 14 лет мама Галины вступила в колхоз, и позже она и ее подруга смогли получить свои паспорта, напоив «главного» в деревне¹.

Говорят, что у каждого сибиряка есть в роду репрессированные...

Треугольник из бумаги

Вечер. Кафе «Клаус» недалеко от улицы Тверской. За окном ливень. Расставленные по залу тыквы напоминают о приближении Хэллоуина. За столи-

¹ Рассказ записан Од Мерлен со слов Галины с сохранением авторских комментариев. Речь идет в том числе о том, что жители сельской местности в СССР не имели на руках паспортов, их выдавали в особых случаях, например, при отправке на фронт и призыве в армию.

ком сидит Ольга, женщина лет 60, в очках и берете, с острым взглядом и красной помадой на губах. На столе стоит вазочка с веером из красных и белых салфеток. Достав оттуда одну, Ольга сворачивает ее по диагонали, так, чтобы получился треугольник, потом еще раз. «Вот так выглядят письма, которые дедушка писал моей бабушке. Они были отправлены с Ленинградского фронта в 1942–1943 гг. На конверте были пометки: «Просмотрено военной цензурой».

«Он писал о том, как убивал немцев, как прошел его первый бой, и о том, как ему тяжело и страшно», – рассказывает Ольга. «Но в 1944 г. пришла похоронка. Но мы до сих пор не знаем, где он покоится. Эти письма мы храним и передаем из поколения в поколение. Мы хорошо знаем содержание каждого письма. Их трудно читать, потому что они написаны карандашом».

Мы начали разговор о политической ситуации в России. Ольга, историк по образованию, на вопрос о том, что же произошло в 1917 г. – государственный переворот или революция, отвечает просто: «Конечно же, переворот». «Анализируя этот период, мне становится очевидным, что в короткий срок можно создать государственный аппарат насилия», – продолжает она.

Меня всегда удивляла эта склонность русских, их талант к анализу событий 1917 г. Так с чего же начался разговор о письмах? Мы говорили об учениках Ольги, их отношении к жизни и истории. В двух шагах от университета возвышается Памятник героям Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Перед входом в университет – плакат ко Дню Победы, 9 Мая, хотя на дворе октябрь. По телевизору, особенно по телеканалу «Звезда», посвященному Красной армии, показывают документальные фильмы об этом историческом периоде. Кажется, что этот период занимает центральное место в советской истории, тем более, учитывая тот факт, что оставшихся в живых истинных свидетелей того времени осталось не так много. «У каждого моего ученика кто-то из родственников погиб на войне. У меня – дедушка... Вся ирония заключается в том, что моя дочь замужем за немцем и живет в Германии, против которой воевал ее прадед», – говорит Ольга.

Другой дедушка Ольги был расстрелян в 1937 г. по статье 58 Уголовного кодекса СССР как враг народа. В чем его вина? В том, что он был небеден и вел торговлю с Китаем.

Каждую пятницу – в баню!

Каждую пятницу в 19.45 Лариса ходит в спортивный комплекс, который находится на территории университета. Она стоит с модным рюкзаком цвета хаки «North Face», надетом через плечо, и в шапочке, натянутой на уши, из-под которой на плечи спадают невероятно гладкие русые волосы. Указывая направление своим маленьким, но хорошо очерченным носом, она мне говорит: «Одна ты туда не дойдешь». И она права. Последний раз я была здесь в 2008 г., поэтому этот лабиринт уже успела забыть. Подъем в несколько лестничных пролетов, потом коридор с несколькими уровнями, затем спуск по лестнице... при этом спускаться дольше, чем подниматься. Наконец, в конце коридора – заветная дверь. Открыв ее, мы сразу наталкиваемся на женщину, обернутую в простыню, которая, обнимая Ларису, твердит, как она рада. Ла-

риса достает заварку, потом мы отправляемся в раздевалку и выходим оттуда в полной экипировке: простынях и банных шапочках.

Баня – это неотъемлемая часть русской деревенской жизни, которая неукоснительно соблюдалась на протяжении веков. В бане всегда была парная и моечная, для которой воду нагревают на печи. В печь подбрасывают дрова, чаще березовые. В парной на «каменку» поливают воду для того, чтобы парная наполнялась паром.

Наша баня, точнее сауна, – женская. Здесь собрались уставшие от тяжелой сибирской жизни женщины за пятьдесят и их 11–12-летние внучки. Луиза ходит сюда каждую пятницу со своей внучкой. Мы обмазались смесью из морской соли и оливкового масла. Затем Лариса парит меня эвкалиптовым венником, который кто-то привез из Сочи. Немного щиплет, но я терплю. Хотя чувствительные части тела лучше прикрыть рукой. Но мне все равно, я как будто бы на другой планете... И тут я слышу, как кто-то говорит: «Ты ведь француженка? О-ля-ля, страна, президент которой в преклонном возрасте решил завести ребенка, заслуживает уважения». Тут я все поняла. Они говорили о Саркози. Даже в парной все крутилось вокруг политики: путинизация Франции, саркозизация, берлусконизация, Россия, Франция, Италия. Ну и куда же без эмансипации? Или освобождения? Или креативности? После парилки все пошли в душ, потом в бассейн. И опять все заново. Но для начала отдохнем за чашечкой чая, рюмочкой настойки или водки. И по-новой... Поблагодарим человека, придумавшего стиральную машину, которая изменила всю нашу жизнь. Отметим день рождения Веры. Вручим подарки: красивые махровые полотенца цвета цыпленка. Отведем сибирских ягод, засахаренных ранеток, бобов и черемши, которую китайцы высоко ценят. Ах да, еще драники – сибирское блюдо из картофеля, грибов и сметаны. Кто-то говорит о китайском Макао, а две «девочки», которым, на самом деле, за 50, проводят время за разговором о том, как они любят маринованную черемшу.

После чая все повторилось: парилка, душ, бассейн, только на этот раз мы намазали лицо кофейной гущей. «Чтобы избавиться от морщинок», – поясняет Луиза. Ее внучка тоже, будто бы опасаясь появления морщинок, обмазала свою милую мордашку кофейной гущей и в одно мгновение превратилась в шахтера. «Хорошо потрудились сегодня на шахте?» – спросила я у Ули. «Конечно!» – засмеялась она. Посмотрев на «шахтеров», удобно устроившихся возле своих бабушек, я вдруг подумала: они родились тогда же, когда Путин пришел к власти. А когда им будет столько же, сколько сегодня их бабушке, в 2060 г., они будут водить своих внуков в баню? И как вообще будет выглядеть Россия в 2060 г.?

Луиза не устает прижимать девочек к себе, нашептывая им «мои красавицы». Свою внучку она впервые привела в баню в возрасте 4 лет, и здесь ей сразу же понравилось. После смены одежды мы затянули русскую народную песню «Виновата ли я, виновата ли я, виновата ли я, что люблю?». Танцевали, веселились... Каждую пятницу – в баню!

Вечный двигатель

За окном блестят и переливаются православные кресты на позолоченных куполах церкви Александра Невского, что находится на пересечении улицы Советской и улицы Герцена.

Меж двумя крестами виднеется колесо обозрения, которое медленно и плавно, постоянно движется по кругу. Сверху – вниз, снизу – вверх, колесо работает в одном и том же темпе. Большинство кабинок пусты – ведь уже осень. Кажется, будто парк аттракционов в городском саду готовится к приходу зимы. И все же несколько человек пришли в это воскресенье полюбоваться на свой город с высоты птичьего полета.

Смотришь на это колесо и в памяти всплывает анекдот советских времен. Террорист захватил поезд метро на Кольцевой линии в Москве и требует у машиниста отвезти его в Копенгаген. Все, кто ездят на метро, знают эту истертую фразу о закрывании дверей и отправлении метро. Громкоговоритель предупреждает пассажиров «Внимание! Двери закрываются. Следующая станция: «Октябрьская», «Парк им. Горького», «Киевская», «Комсомольская» и т.д. Но террорист не сдаётся: «Отвезите меня в Копенгаген, мне туда нужно!» Тогда машинист объясняет, что это невозможно, так как метро идет по рельсам, по маршруту, по кругу, следовательно, это никогда не закончится, а некоторым нужно выходить на станции «Комсомольской», «проспекте Мира» и т.д. Несмотря на это, террорист продолжает угрожать и запугивать машиниста. Уставший от всего происходящего, машинист объявляет: «Внимание! Двери закрываются. Следующая станция: «Копенгаген»¹.

«Открытый Томск»

В одном из университетских холлов мое внимание привлекли афиши. Повернув голову, я увидела на них Анну Политковскую и Наталью Эстемирову, убитых в 2006 и 2009 годах соответственно. Это афиша об открытии кинофестиваля «Горький вкус свободы», организованного группой студентов. Будут показаны несколько фильмов, среди которых значатся «Анна, 7 лет на линии фронта» и «Кто убил Наташу?»

Где же место показа? На входе – «Улыбнись прохожему» Единой России. Пройдя холл, я вхожу в переполненный зал. Показ начинается. Некоторым не хватило места, и они стоят. Тишина, не слышно ни единого слова, ни одного телефонного звонка. Все в напряжении.

После показа состоятся дебаты.

Томск – открытый город

Поступила 10 июня 2014 г.

Merlin Aude, Free University of Brussels (Brussels, Belgium)

SIBERIAN CHRONICLES.

Key words: Russia, Siberia, Siberians, Tomsk.

Aude Merlin, a professor at the Department of Social and Political Sciences at Free University of Brussels, shares her encounters with different people in Tomsk in October 2011. Her short stories draw

¹ Комментарий от главного редактора СИИ Д.А. Функа: «Забавная версия. Философская. В версиях, известных в Москве, чаще можно услышать такое: «Следующая станция Стокгольм. Граждане, не держите двери! Все равно все не влезет!»

the past and present experiences of the people and the city together, and contemplates their possible futures. Aude listened to the people's opinions regarding the forthcoming elections, their evaluation of the Soviet past and today life, as well as their inspiration, hopes and concerns. These findings were complemented by her observations of local people going about their everyday business, in cafes, universities, saunas, and on the street. Her understanding of the past and present were enhanced by additional experiences, such as an interview with the Director of the Museum of Political Repression, Vasiliiy Khanevich, and attendance at TSU documentaries on human rights activists Anna Politkovskaya and Nataliya Estemirova.

Aude begins her work contemplating Tomsk as a 'closed city' but ends asserting that it is in fact an 'open city'. Her subtle observations and philosophical reasoning offer the insight of the experienced traveler and European specialist on Russia.